

В городе Борисоглебске Воронежской области в рамках V Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» прошел круглый стол «Герой нашего времени в современной российской литературе». Организатором круглого стола выступила МБУК БГО «Борисоглебская централизованная библиотечная система» и Совет по критике Союза писателей России. Модератор — Вячеслав Лютый.

Видеозапись круглого стола была расшифрована Ольгой Бирюковой, методистом МБУК БГО «Борисоглебская централизованная библиотечная система». В основу настоящей публикации положены наиболее интересные выступления участников круглого стола.

Вячеслав ЛЮТЫЙ, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Подъём», председатель Совета по критике Союза писателей России:

— В качестве первого доклада я предлагаю свое выступление, которое носит более общий характер, а с той или иной конкретикой вы познакомитесь в выступлениях моих коллег.

Отталкиваясь от образа, подаренного русскому человеку еще Лермонтовым, и обращая свой взгляд на реальность, в первую очередь, мы задаемся прямыми вопросами:

- как мы определим время, в котором живем?
- кого считать героем нашего времени, какие человеческие качества достойны этой обобщающей характеристики?
- как современная литература соотносится с действительностью, литературное отражение жизни ей адекватно или представляет ее с искажениями?
- совпадает ли психологический и нравственный контур героя нашего времени в реальности с изображением этого образа в литературе?

Без учета этих наводящих вопросов последующие размышления будут носить исключительно факультативный характер.

Если сопоставить социальный срез сегодняшнего общества с социальной картиной советского времени или дореволюционного, в глаза бросятся сразу несколько отличий. В досоветский период имущественное расслоение населения, вероятно,

было похоже на нынешнее. Кроме того, психологически были объединены самые разные типы людей, после 1917 года очень часто немыслимые. Половые и холопы, грязные шлюхи и содержанки, господа с оплывшим от жира мозгом и повышенной самоуверенностью, родовитые выскочки, бандиты, самодостаточный и бесцеремонный чиновно-бюрократический слой. Разумеется, самоотверженные люди с честью и достоинством в давнем сословном обществе были на виду, в каком бы окружении они ни действовали, будь то учитель в сельской школе или государственный деятель в столице. Надо всем этим человеческим конгломератом, словно объединяющий всех купол, парило общественное мнение. Порой его акценты были ложными, однако необходимость и влияние этого социально-нравственного института никем не подвергалась сомнению.

В социалистическую эпоху низкопоклонство, составляющее зримую часть человеческих взаимоотношений ранее, превратилось в характеристику презрительную. В неявной форме это качество еще бытовало, но зримо оно ушло в прошлое. Общественное мнение, пусть и с поправкой на идеологические скрепы, продолжало существовать. Социальная картина граждан советского государства во многом стала однородной.

После распада Советского Союза все самые худшие черты старого русского прошлого и западного настоящего, словно ночной убийца, проникли на территорию России и заявили о своих хозяйских правах. Сегодня нувориш и продажный суд, вязкая бюрократия и презрение к простому человеку, гражданское кликушество и реальная боязнь богача и чиновника вновь превратились в нашей стране в обыденность.

Так вот, имея в виду эти самые общие черты минувшего и сиюминутного, мы должны определить героя нашего времени. Совсем не обязательно продолжать старое содержание образа: «наиболее примечательный человеческий тип, соответствующий своему времени». Полагаю, куда более важным сейчас сделать первым в предлагаемой формуле обозначение «герой», то есть человек, сопротивляющийся среде, в которой ему доводится существовать, не ломающий собственных принципов, но ради них вступающий в схватку с велениями гниющей эпохи. И это будет правильным в проекции на будущие русские десятилетия.

Постмодернистская литература и средства массовой информации вывернулись наизнанку в своем старании дегероизировать наше бытие. Но каждый новый день исподволь сообщал нам о новом герое, который не пожалел собственного живота ради родины или ближнего. Сам ход часов и дней сопротивлялся этому стремлению выхолостить корни русской истории, унизить подвиг и поклониться предательству или равнодушию.

И постепенно постмодернистские кликуши — философы, литературные критики и сочинители — отодвигались в тень. Еще пронизывает наши взаимоотношения смрадный дух торгашества и сердечного холода, но литература русская начинает освобождаться от навязанных ей характеров. Будто взятые из историй Салтыкова-Щедрина и властно перенесенные в комфортную среду себе подобных, они гасили живое дыхание подлинно русского человека, искушенного читателя или простодушного трудаги.

Между тем, в его сознании накрепко укоренены образы традиционные, основанные на родовых понятиях чести и достоинства, совести и милосердия. Поэтому совершенно неправильно требовать от современной литературы интеллектуализма и попрекать ее неизобретательным изображением распространенных типов. Исстрадавшийся в постмодернистской пустыне русский человек тянется к теплоте, к конкретному герою, к узнаваемой ситуации. Наша литература восстанавливает свой гуманистический потенциал и способность показывать жизнь в узнаваемых формах. Ныне еще не встали на подобающее место многие важней-

шие реалистические произведения, первенство в рейтингах и презентациях отдаю вещам порой ничтожным, кликушеским, а бездарный автор искусственно увеличивается до размеров литературного искателя, а порой и гения. Необходимо довести литературную картину современного бытия до весомой полноты и только потом намечать следующие шаги в развитии русской словесности.

Можно считать героем переломной эпохи умного, принципиального и честного журналиста Ивана Базанова из романа Петра Краснова «Заполье». Этот трагический образ остается в памяти надолго, он неразрывно соединен с временем, в котором раскрывается его судьба. Роман поражения «Заполье» еще ждет внимательного взгляда критики, он многомерен и соединяет в себе правду города и правду деревни.

Рассказы и повести Натальи Моловцевой, кажется, просты и непритязательны, но в каждом сюжете автора мы найдем нравственный стоицизм и нежелание героя идти против совести и памяти. Персонажи прозы Дмитрия Воронина многочисленны и эскизны, однако перед нами внезапно предстает почти толпа героев нынешнего времени — в том числе и отрицательных типажей. Она шумит, беседует сама с собой, может затеять драку, а иной раз — опустив головы, ее люди молча, что-то тихо говоря друг другу, расходятся по домам.

В современной поэзии нас ждет русский миф и жажда сопротивления циничному олигархическому укладу, все чаще в стихах поэтов можно встретить желание объединить силы и дать отпор воплощенному злу. Как правило, такие сюжеты условны, почти сказочны, однако стремление героев обозначено не только лирически точно и убедительно, но и непреклонно в нравственном отношении. На деревенском материале подобные истории есть у Владимира Скифа и Геннадия Ёмкина.

Знаменательное стихотворение Светланы Сырневой «Патриот» («Возле черного Белого дома стоять, // и родных потерять, и друзей хоронить...») перекликается с романом «Заполье» по горестному драматизму. Но и в прозе, и в стихах герои не ломают себя под скользкий стереотип буржуазного человечка: масштаб их личности остается неизменным.

В поэзии Дианы Кан тема борения — одна из главных. В координатах мифа и на материале сугубо современном ее лирическая героиня является укорененным русским человеком — с жаждой продолжения родовой традиции, с чувством православного устройства собственной души.

Задача показать в литературном произведении действительных героев современной жизни, которые держат стены нашего дома-государства, исключительно важна. Потому что надежда на завтрашний день, духовно верное воспитание нового поколения в таком случае обретут сильного союзника — современную русскую литературу. И тогда заново начнет выстраиваться общественное мнение уже иного образца — в отсутствие корысти и пошлости, пронизанное искренностью и верой в справедливость.

Виктор БАРАКОВ, *литературовед, прозаик, доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного университета, член Совета по литературной критике Союза писателей России:*

— Я хочу проиллюстрировать слова Вячеслава Дмитриевича конкретными примерами из литературной жизни Вологодской области.

Герой не только в современной прозе, но и в жизни — честный человек, правдоискатель, еще не уставший бороться за справедливость. В Вологодской области проводятся два всероссийских конкурса прозы: имени Василия Ивановича Белова «Все впереди» и имени Василия Макаровича Шукшина «Светлые души». Вот пятый сборник у меня здесь в руках, я привез подарки из Вологды — журналы

«Вологодский лад», подборку газет «Вологодский литератор». К нам поступают тысячи рукописей не только из России, но и из-за рубежа: Казахстана, Украины, Белоруссии, из Соединенных Штатов, Канады. Они разные по качеству, но сюжеты, в большинстве случаев, связаны с одной темой: попыткой выжить в предлагаемых обстоятельствах. Люди бьются головой о стену, пытаются достучаться до власти, — точь-в-точь, как в давнем очерке Александра Яшина «Вологодская свадьба»: «Знают ли там верхние, что здесь творится?» Но тогда колхозники и Яшин спустя два года после публикации очерка были услышаны, нынешние «верхние» и слушать не хотят. Ведь ни одного референдума не провели за эти двадцать с лишним лет. И ко мне подходят в районах, говорят: «Вы там, в Москве, скажите, куда это власть-то смотрит?..» А кому я скажу?.. А если обращаются к власти напрямую, как, например, в рассказе Елены Родченковой «Дом дуры» (он опубликован в «Вологодском литераторе»), то ничего хорошего не происходит — посмотрите финал рассказа.

Мы говорим о частностях, но давайте посмотрим, сумели ли сами литераторы изменить собственную судьбу? Закона о творческих организациях нет, встреча литераторов с Путиным не дала результатов, писатель как был бесправным и ничем, таким и остался. Кому-нибудь удалось приспособиться к рыночной экономике, кроме деятелей литературного шоу-бизнеса, вроде Марининой и грантоедов? Никому. Говорят, писатели сами виноваты? Но тогда сами виноваты и учителя, врачи, преподаватели вузов, ученые, — правы только олигархи. Понятно, что идеология у нас разная, но есть еще одно обстоятельство, наводящее на грустные размышления — это кадровая политика.

В советское время Вологодская писательская организация гремела на весь Союз, и одной из причин был профессионализм власти. Первый секретарь обкома Дрыгин прекрасно знал современную литературу, обеспечил квартирами всех без исключения вологодских литераторов, а Виктору Астафьеву, приехавшему в Вологду в 1969 году, отдал свою новую квартиру, сам остался жить в старой. Виктор Коротаев с воодушевлением рассказывал, что ему, холостяку, только что вступившему в Союз писателей, на следующий день дали ключи от однокомнатной квартиры в центре Вологды. Кстати, Николаю Рубцову тоже дали однокомнатную квартиру в центре Вологды после вступления в Союз.

А что произошло после 1991 года? Сплошной позор. Назначенный Ельциным губернатор Подгорнов оказался первым в истории главой региона со средним образованием, через некоторое время проворовался, сел в тюрьму. Нынешний губернатор Кувшинников тут же закрыл областную юношескую библиотеку.

И так по всей вертикали: первый «российский» мэр Вологды Якуничев на наше предложение установить на здании гостиницы, где трижды останавливался Сергей Есенин в 1916-1917 годах, памятную доску, сделал круглые глаза: «А кто такой Есенин?» Недавний мэр Вологды Шулепов (ушел на повышение) печально известен стране своим рассуждением: «Вот придет весна, появится крапива, станет легче...» Местному отделению Союза российских писателей он выделил целый дом и освободил их на несколько лет от арендной платы. А нашему Союзу, в котором работает, например, Ольга Фокина, плату подняли.

У нас есть талантливейшие выпускники в Вологодском университете. Несмотря на то, что на первый курс приходят студенты, все менее и менее подготовленные в школах, они очень быстро растут в вузе. Очень много талантливых ребят, девушек — во время защиты дипломов представительитель департамента восхищался, всем ставил «пятерки», но на работу никого не взял. В цене сегодня, к сожалению, не профессионализм, а какие-то другие качества.

В народе говорят: «Родину мы любим, а вот государство...» Конечно, как можно любить государство, допустим, врачу или преподавателю (зарплата, например,

молодого преподавателя Вологодского университета в два раза меньше, чем у уборщицы в моем многоквартирном доме)?! Вот это государство, которое пока не определилось само, что ему нужно, которое отделяет себя от насущных народных проблем, закоснело в своем представлении о жизни, далеко от реальности, оно, конечно, вряд ли будет популярным у народа. Я убежден, что рано или поздно придется эту политику менять.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Далее я хотел бы представить доклад **Светланы Замлеловой**. К сожалению, она заболела буквально перед отъездом и не смогла приехать на фестиваль.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА, прозаик, поэт, публицист, член Совета по литературной критике Союза писателей России, главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон», шеф-редактор литературно-исторического журнала «Великороссь», обозреватель газеты «Советская Россия», кандидат философских наук:

Современное литературоведение не оставляет попыток обрисовать «героя нашего времени», отображенного в произведениях сегодняшних писателей. Многие, как, например, филолог Вера Расторгуева, считают, что «с отказом современного прозаика от реалистического письма образ героя времени как воплощение определенного исторически сложившегося типа сознания кажется невозможным». Она же, ссылаясь на писательницу Ольгу Славникову, утверждает, что в быстро изменяющемся мире понимать образ героя времени как «тоже человека, только почему-то бессмертного», как «существование тайной сети засланных из литературы в действительность «специальных агентов», действительно нельзя».

Существует и другая точка зрения. Например, критик Николай Крижановский пишет об отсутствии героя в современной русской литературе и уверяет, что «настоящий герой нашего времени, как и любого другого, для русской литературы — человек, способный пожертвовать собой ради ближних, способный «душу положить за други своя» и готовый служить Богу, России, семье...» По мнению критика, героем нашего времени в литературе может быть «кадровый военный, спасающий солдат-срочников от разрыва боевой гранаты; предприниматель, не желающий жить только для обогащения и собственных удовольствий и безоглядно отправившийся воевать в Новороссию; семьянин, воспитывающий в национальных традициях своих детей; школьник или студент, способные на большой и самоотверженный поступок; пожилая сельская учительница, которая еще держит корову и не продает, а раздает молоко своим нищим соседям; священник, продающий свою квартиру, чтобы достроить храм, и многие другие наши современники».

В поисках «героя нашего времени» Вера Расторгуева обращается к произведениям так называемых медийных, то есть активно издаваемых и широко цитируемых прессой, писателей. Николай Крижановский, помимо медийных, называет несколько имен из своего окружения. Расторгуева действительно описывает «героя нашего времени», встречающегося в современных произведениях. Крижановский уверяет, что в современной литературе настоящих героев осталось немного, что «идет процесс дегероизации отечественной литературы» и что, наконец, «доминирующая в современной литературе тенденция к выхолащиванию положительного героя сегодня понемногу преодолевается» усилиями некоторых писателей.

Существует также точка зрения, в соответствии с которой вина за исчезновение героического из современной литературы возлагается на постмодернизм. Тот же критик Крижановский считает, что «проникновение в отечественную литера-

туру постмодернизма ведет к исчезновению героя в первоначальном смысле этого слова».

Однако ни одна из приведенных точек зрения не представляется убедительной, причем по нескольким причинам сразу. Прежде всего, следует указать на путаницу: говоря «герой нашего времени», многие исследователи имеют в виду «героическое», понимаемое как самоотверженность, отвага, бескорыстие, благородство и прочее. Но понятие «герой нашего времени» отсылает нас, конечно же, к М.Ю. Лермонтову. В предисловии к роману поэт нарочно оговаривается, что «герой нашего времени» — «это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Там же, в предисловии, Лермонтов иронично отмечает, что публика имеет обыкновение понимать каждое слово буквально, и что «героем нашего времени» сам он называет своего современника, а точнее — чаще других встречающийся тип современного человека. И если уж образ Печорина вышел малопривлекательным, то в том нет авторской вины.

Другими словами, «герой нашего времени» — это вовсе не синоним «героического». Так, со времен Лермонтова, принято называть образ, вобравший в себя типические черты эпохи, отобразивший дух времени, что совершенно необязательно должно быть связано с героизмом, благородством и бескорыстием. Поэтому исследования «героя нашего времени» и «героического» должны идти по двум разным направлениям. Замена одного понятия другим не просто ничего не проясняет, но только умножает путаницу.

Той же путанице способствует и неверное понимание творческого процесса, когда критики простодушно заявляют о необходимости побольше описывать инженеров, врачей и учителей. Попробуем, например, представить современное художественное произведение, написанное в духе и истине раннего Средневековья. Понятно, что в лучшем случае это будет комично, а в худшем — жалко, потому что современный нам человек исповедует иные истины, движется иным духом. Изобразить «героя нашего времени», то есть, по Лермонтову, современного человека, слишком часто встречаемого, можно, руководствуясь духом и истиной своего времени. Но в этом случае инженеры, учителя и врачи совершенно необязательно окажутся «положительно прекрасными людьми».

Каждая эпоха создает свою картину мира, свою культуру, свое искусство. Выражение «сейчас так не пишут» уместно именно в тех случаях, когда художник пытается творить в духе чужого ему времени. И речь не о конъюнктуре, но о способности художника чувствовать свое время и передавать эти чувства в образах. Даже работая над историческим произведением, чуткий и талантливый художник сделает его понятным для современников, при этом ничего не опошляя и не опроцая. Это значит, что художник сумеет передать дух чужого ему времени в понятных для современников образах.

Искусство меняется вместе с эпохой, поэтому античное искусство отличается от средневекового, а современное российское — от советского. В произведениях культуры человек всегда отображает себя и свою эпоху, творческий акт не существует в отрыве от культуры, а культура — в отрыве от эпохи. Именно поэтому исследователь произведения способен выявить черты и своеобразие человеческого типа той или иной эпохи. Исходя из этого, логично предположить, что если современное искусство не предлагает героические образы, то героическое несвойственно, а точнее — нетипично для нашей эпохи. И дело тут не в отказе от реалистического письма.

Проще, конечно, винить писателей, которые не желают описывать героев. Но делать это уместно будет лишь в том случае, если писатели, выполняя заказ, нарочно дегероизируют литературу. Если же речь идет о непосредственном творческом акте, то гораздо вернее было бы исследовать эпоху через произведения, а не пытаться превратить литературу в передачу «По заявкам».

К тому же, для получения более или менее объективных результатов, необходимо исследовать творчество не только медийных авторов. Дело в том, что современная отечественная литература очень напоминает айсберг со сравнительно небольшой видимой частью и совершенно непредсказуемых размеров невидимой. Видимая или медийная часть — это, как правило, литература проектов. Такая литература не должна быть хорошей или плохой, с точки зрения качества текста. Она просто должна быть, состоя из отпечатанных книжек и авторов, чьи имена, благодаря частому и многократному упоминанию во всевозможных СМИ, становятся постепенно brand'ами. Так что, даже не читая произведений, люди очень хорошо знают: это модный, известный писатель. Есть такое понятие «поп-вкус», то есть предпочтение не хорошего, а успешного, того, что тиражируется, транслируется и обсуждается. Современная литература проектов рассчитана именно на «поп-вкус», цели же ее существования самые разные — от коммерческих до политических. Автор цикла статей о современном литературном процессе писатель Юрий Милославский, анализируя особенности современного искусства, отмечает, что, помимо всего прочего, «профессиональная art-индустрия по самой своей природе не могла бы действовать успешно в условиях переменчивости, непредсказуемости и произвола индивидуальных творческих достижений, действительной борьбы творческих групп и т.п.». Именно поэтому «постепенно достигнута полная и абсолютная рукотворность (<...> эрзац, имитация) художественного и/или литературного успеха». Другими словами, та самая медийная литература или литература проектов — это искусственно созданное пространство, охарактеризованное Юрием Милославским как «искусственный культурный контекст», где «лучшим, наиболее качественным будет объявлено в данный момент то, что art-индустрия по чьим-то заказам, стратегическим или тактическим выкладкам, и согласно сформированным на основании этих выкладок собственным расчетам произвела, приобрела и назначила для последующего внедрения. Сегодня этим «лучшим» может быть назначено все, что угодно. Абсолютно все». Кроме того, Юрий Милославский ссылается на данные опроса, проводимого в 2008–2013 годах интернет-проектом «Мегапанион». Участникам опроса, а их оказалось свыше двадцати тысяч человек, был предложен вопрос: «Кого из этих писателей вы читали?» и список из девяти сот писательских фамилий. Выяснилось, что процент действительно читавших произведения медийных писателей колеблется примерно от 1 до 14. Российский читатель, оказывается, до сих пор отдает предпочтение классике или развлекательному (главным образом, детективному) чтиву.

Возможно, основными потребителями медийной литературы являются исследователи, берущиеся, например, выяснить, каков он — «герой нашего времени». Но такого рода исследования касаются только писателей и критиков, не задевая обычного читателя. Ведь если читатель знаком с современной литературой, главным образом, на уровне имен и газетных дифирамбов, то и влияние на него такой словесности окажется весьма незначительным. В то же время, исследования, основанные на медийной литературе, представляются неполными и ни о чем не говорящими, поскольку медийная литература — это, как было сказано, лишь вершина айсберга и судить по ней о глыбе в целом не представляется возможным. Строить исследование о литературе исключительно на ее публичной составляющей — это все равно, что изучать мнение граждан страны, опрашивая поп-звезд.

К пониманию «героя нашего времени» можно подойти не только через исследование произведений литературы, но и с теоретической стороны. Зададимся простым вопросом: какой человек чаще других встречается в наше время — бескорыстный смельчак, мятущийся интеллигент или азартный потребитель? Конечно, встретить можно любого человека, а у каждого из нас прекрасные друзья и любящие родственники. И все же, кто более типичен для нашего времени: губернатор

Хорошавин, специалист по анализам Родченков, какой-нибудь «распиаренный» деятель искусства с сомнительными заслугами или, по слову критика Крижановского, «священник, продающий свою квартиру, чтобы достроить храм»? Повторимся: встретить, особенно на российских просторах, можно решительно любого человека, но для того чтобы понять, кто такой «герой нашего времени», важно выявить типическое, найти выразителя духа времени.

Не будет ли верным предположить, что типичным представителем нашей эпохи является человек, предпочитающий материальное идеальному, приземленное возвышенному, тленное вечному, земные сокровища всем прочим сокровищам? И если это предположение верно, то «героем нашего времени» можно смело назвать Иуду. Образ его становится понятен через совершенный им выбор. Поэтому важно разобраться не в том, почему и зачем он предал, а в том, что именно он выбрал. Предательством своим Иуда отказался от Христа и от предложенного Христом. Сумма в тридцать сребренников была настолько мала, что едва ли Иуда мог соблазниться ею. Зато он оказался перед выбором: символическая сумма, значащая отказ от Учителя, или Царствие Небесное. Другими словами, как раз-таки материальное против идеального, приземленное против возвышенного, долнее против горнего. Иуда оказался прообразом «общества потребления», для которого так же, как и для Иуды, невозможно, оставаясь собой, сохранять верность высоким идеалам.

Героического в современной литературе действительно немного. Но это именно потому, что героическое перестало быть типичным. Увы, не в каждую эпоху чаще других встречаются защитники Родины, покорители космоса и честные труженики. Бывают эпохи, когда всюду снуют потребители благ, развернувшиеся от идеалов к комфорту.

Между тем героическое необходимо. Хотя бы как пример для подражания, повод для гордости, образец для воспитания. Но какие уж герои в стране оптимистического патриотизма! Разве что те, кто при отсутствии денег долгие всех продержался. Или те, кто отселил больше пинков английским пьяницам, вопя громче других: «Россия, вперед!» Власти некого предложить в герои, а обществу — некого выдвинуть. Остаются отдельные случаи героизма, проявленного рядовыми гражданами, но не становящегося от этого типическим. Об этих случаях и пишет критик Крижановский, причисляя, среди прочего, к героям просто порядочных людей.

И все же в герое именно нашего времени, то есть в чаще других встречаемом современнике, нет ничего героического. Но, как отметил еще М.Ю. Лермонтов, Боже нас сохрани пытаться исправить людские пороки. В конце концов, человечество — это всего лишь глина в руках истории. И кто знает, какие черты примет оно в следующем десятилетии.

Что же касается рекомендаций относительно того, как и о чем писать, то, думаю, стоит попробовать писать интересно и хорошим языком.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Вот такой текст — во многом, кажется, задирающий, ставящий возражать, не согласиться, внести какие-то поправки и несколько изменить картину, в рамках которой сформировано определение «героя нашего времени» и вообще «подвига».

По этому поводу стоит обменяться мнениями, поскольку то, что говорили Барков и я, не во всем совпадает с позицией Светланы Замлеловой.

Я думаю, нам не стоит понимать литературу как некий цех. Скажем, у слесаря и продавца — свои цеховые приметы. Вроде бы и писатель является частью некоей профессиональной корпорации, у которой есть собственные цеховые черты. Представим, что мы вошли в цех, посмотрели, какие инструменты там находят-

ся, какие материалы нужны, как протекает работа и так далее. На мой взгляд, это внешнее и очень ограниченное понимание писательской деятельности. Литература, которая не отделяет себя от народа, должна вступать с ним в диалог и обозначать какие-то вещи строительные и какие-то нестроительные. Эти две субстанции взаимно подпитываются: художественными, эстетическими идеями и духовными прозрениями — народ от литературы; и, напротив, литература от народа — верностью, истинностью происходящего.

Протоиерей Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН, прозаик, поэт, член Союза писателей России, протоиерей Русской православной церкви, настоятель храма Михаила Архангела (город Липецк):

Традиция русской литературы заключается в том, что русские писатели-классики не обещали свертывать рамки литературы. И все то, что говорится о цеховой жизни литератора, для них попросту не существовало. Они из рамок литературы уходили к народу. Толстой, например, хотел написать книжку, которая смогла бы изменить жизнь, так повлиять на людей, чтобы их внутренняя жизнь изменилась. Поэтому и написал он 93 кирпича, которые все время хотели менять, менять, менять человека. Федор Михайлович Достоевский и его журнал «Гражданин» — ведь писатель в нем был и как пророк, и как утешитель, и как старец, ведь к нему обращались уже как к священнику или психотерапевту за помощью. Вы помните, когда он написал произведение, которое называлось «Приговор», и также напечатал его в своем журнале, у него, возможно, был уже написан и ответ обществу, потому что в «Приговоре» изображен человек, который совершает самоубийство и не находит смысла в этой жизни. И позже, когда он опубликовал ответ, все были возмущены: так много случалось самоубийств. «Вы, Федор Михайлович, со своей предельной логикой и глубиной изображаете человека, который не находит опоры в жизни». Тогда Достоевский уже пишет: «Воспоминания П.», где отвечает, что единственный смысл жизни есть вера в бессмертие души человеческой. И наша жизнь есть подготовка к будущей жизни... Вот как они мыслили, эти писатели. А не как современные авторы, которые возвещают невесь о чем.

Андрей ТИМОФЕЕВ, прозаик, критик, поэт, член Совета по критике Союза писателей России:

Я вернусь к литературе. У меня доклад более цеховой, но, возможно, он тоже будет интересен.

В Совете по критике я преимущественно занимаюсь молодыми авторами, условно говоря, в возрасте до 35 лет. И мне особенно отраднo видеть, что в последние годы в литературу входит целое поколение перспективных и талантливых прозаиков. Для начала назову наиболее ярких, мне кажется, вам интересно будет узнать о них. Это и иркутский прозаик Андрей Антипин, о котором сейчас много пишут в связи с его богатым, густым, может, даже несколько избыточным языком. Но Антипин — это не просто язык. В своей наиболее зрелой на сегодняшний момент повести «Дядька», опубликованной в журнале «Наш современник» в 2014 году, ему удается в личной трагедии простого мужика из села увидеть трагедию народа, создать образ по-настоящему мощной обобщающей силы. Это и петербургский прозаик Дмитрий Филиппов, в чьем творчестве подлинно русское как бы борется с влиянием прилепинско-шаргуновского «нового реализма», и когда побеждает первое, получается, например, пронзительная повесть «Три дня Осоргина», напечатанная в журнале «Нева» в том же 2014 году. Это и прозаик из Московской области Юрий Лунин, печатающийся в последние годы в интернет-журнале «МолОКО», чьи рассказы и повести насыщены психологизмом, отслеживанием мельчайших движений души своих героев — очень ценное и редкое каче-

ство в наше время. Это и другие прозаики: тридцатилетние — Алексей Яшкин, публиковавшийся в частности и в «Подъёме», Антон Лукин, Елена Тулушева, Евгения Декина, Анастасия Чернова, Олег Сочалин — и те, кому немногим больше двадцати — Алена Белоусенко, Иван Маков и другие.

Но при том, что в этом поколении есть талантливые и уже зрелые прозаики, при том, что можно много и плодотворно рассуждать о них, в полном смысле созданием героя никто из этих прозаиков не занимается. Так что, когда я узнал тему предстоящего заседания кружка круглого стола и стал думать над ней применительно к этому молодому поколению, я был просто поражен. А ведь русская литература — это, наверно, прежде всего, галерея исполненных жизненной мощи «героев своего времени», которые начинали жить в памяти людей чуть ли не более осязаемо, чем реальные их современники: Онегин, Печорин, Базаров, Иудушка Головлев, братья Карамазовы и другие.

Надо сказать, что подобная ситуация не нова. Чуть больше тридцати лет назад, в 1984 году, Вадим Кожин пишет статью «Необходимость героя», в которой также замечает, что есть вокруг много талантливых молодых прозаиков, которые, тем не менее, не стремятся к созданию полноценного героя. И, может быть, именно поэтому, то поколение, которое Кожин тогда называл в своей статье «новым», так и не заявил о себе в полной мере как о явлении, а прогрессировали лишь отдельные авторы, например, в это время развивался Николай Дорошенко. Может быть, и современное молодое поколение, не найдя своего героя, не сможет заявить о себе по-настоящему. Но не будем загадывать.

Интересно и поучительно для нынешних молодых авторов и для нас посмотреть, как обретали своего героя классики русской литературы. В статье Вадима Кожина «Необходимость героя», посвященной этой теме, анализируется показательный пример из воспоминаний Тургенева. «...В основание фигуры, Базарова, — пишет Тургенев, — легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача». В нем «воплотилось... то едва народившееся... начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление... было... не совсем ясно; я, на первых порах, сам не мог хорошенько отдать себе в нем отчета...» Но после периода сомнений «я снова принялся за работу — *фабула* понемногу сложилась: в течение зимы я написал первые главы...» Каждая деталь этого рассказа многозначительна, замечает Кожин: «Речь идет как бы о мгновенном озарении — но в нем кристаллизуется опыт целой жизни. И тем не менее долго еще писатель сомневается». А далее, что очень важно, писатель принимается за *фабулу*, потому что «только в конкретном художественном *действии* может воплотиться герой. Ибо никакие этические размышления и переживания не раскрывают нравственную суть героя: она обнаруживается только в решительном, изменяющем положение вещей *поступке*». То есть если литературный персонаж на протяжении всего романа сидит за столом, много думает и ничего значительного не делает, то это и не настоящий герой. Мало рассуждать об убийстве старухи-процентщицы, нужно убить; мало раскаяться, нужно пойти в Сибирь и т.д. Часто современные авторы вообще этого не понимают.

Но это, на мой взгляд, еще не все — мало увидеть героя, выразить его, нужно на него посмотреть как бы сверху, дать ему определенную нравственную оценку (хоть и, конечно, не в форме готовых сентенций). Если этого не сделать, можно попасть в ситуацию, в которой оказалось поколение, непосредственно предшествующее современным молодым, те, кому сейчас 35-40 лет, поколение так называемого «нового реализма». У них-то как раз оказался «герой времени», им в один голос был объявлен — Санька, герой одноименного романа Прилепина, искренний молодой парень, член партии нацболов, готовый умирать и убивать за свои убеждения.

И действительно, вроде бы Прилепин смог поймать в своем герое характерные черты времени — молодой напор, политический максимализм, крайнее неприятие чужого мнения, соединенное с сильной и страстной любовью к Родине. Санек Прилепина, этих яростных мальчиков, можно легко обнаружить, скажем, в писательской среде, например, на сайте «Свободная пресса». Можно сопереживать их лозунгам, но в то же время нельзя не видеть: их правда однобока и по-юношески максималистична. Итак, типаж схвачен верно, такие люди есть; и они, пожалуй, характерны для нашего времени, особенно для молодого поколения. Но является ли Санька полноценным художественным героем? Нет. Нет, потому что автор, по сути, не героя увидел, а лишь выразил самого себя, оказавшегося этим характерным героем. Он не смог подняться над ним, посмотреть на него мудрым взрослым взглядом.

Хорошо это видно в сравнении, например, с тем же самым Тургеневым. Был ли автор «Отцов и детей» нигилистом? Безусловно, нет. Он не только смог показать Базарова, но и испытал его — например, подлинной любовью, при столкновении с которой его герой потерпел сокрушительное поражение. И более того, приведя Базарова к смерти, Тургенев закончил роман сценой на кладбище словами о том, что «какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами», и не о вечном спокойствии «равнодушной» природы говорят, но о «жизни бесконечной». Тургенев поднялся над своим героем, осмыслил его опыт, наконец, даже поставил его перед лицом вечности. Прилепин, разумеется, не претендует на подобное, выразить себя — это максимум, на что он способен. И потому его Санька не может быть назван полноценным героем художественного произведения.

Итак, подводя итоги, повторим — необходимость обретения героя категорически важна для современного молодого поколения. Обрести героя можно лишь внимательно вглядываясь в мир вокруг, а подлинное развитие героя возможно лишь в действии — вот почему так важна фабула художественного произведения. И еще — мало обнаружить героя, необходимо еще осмыслить его, подняться над ним. Это все своеобразный призыв к молодым авторам, в каком-то смысле руководство к действию. Радостно мне будет, если этот призыв услышат.

И последнее. Русская литература знает не только «характерных» героев своего времени, но и те «вечные» типы, которые могут быть названы нравственными идеалами. Это и Татьяна Ларина (вспомните пушкинскую речь Достоевского), и Наташа Ростова, и их ближайший потомок — Поля Вихрова из «Русского леса» Леонида Леонова. Как ни странно, это все женщины. Но есть и мужчины — Алеша Карамазов, в каком-то смысле — Павка Корчагин, беловский Иван Африканыч и другие. Это те, кто воплощал нравственное здоровье русского народа, кто мог быть примером для своих соотечественников. Такие герои жизненно необходимы и нашему времени.

Но, может, пора сделать и шаг вперед? Сейчас, когда недавний развал страны не только обернулся глубокой трагедией русского народа, но и высвободил мощный религиозный пласт, мы можем говорить, что у современной литературы есть и сверхзадача. Это — выразить христианское мировоззрение, понять и показать героя, в душе которого с силой властвует христианский идеал. Смее надеяться на это. И закончу свой доклад этой возвышенной и отчаянной надеждой.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: В выступлении Андрея прозвучала мысль, что Прилепин и те, кто рядом с ним, в своих героях, в первую очередь, выразили самих себя. В какой-то степени это говорит об инфантилизме их писательского таланта. Ведь вот «Санька» — это же не первое произведение, которое Прилепин написал, прежде были «Патологии», а до того он сочинял стихи. Принято считать, что дебютная повесть или роман готовится всей жизнью молодого автора. Вторая вещь — в ка-

кой-то степени «пограничная», а с третьей становится понятно: автор что-то про себя любимого пишет, выскребая из старого сундука остатки характеристик и лиц, или он встал рядом с жизнью, может быть, вошел в нее невидимым человеком и созерцает происходящее, властной рукой отбирая все необходимое для формирования художественного сюжета. И мы видим, что Прилепин не взрослеет. У Андрея это очень хорошее наблюдение.

Реплика из зала: Давайте не будем сейчас переходить на ранние рассказы Прилепина...

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Я читал его рассказы, которые были выложены самим автором на сайте Гражданского литературного форума, и почувствовал некоторое недоумение: к чему это все написано? Одна вещь представляла собой кальку сюжета последнего рассказа Шукшина «Кляуза». У Василия Макаровича нянечка в больнице не пустила к лирическому герою посетителей. Здесь же вахтер преградил вход в здание, где находилась редакция газеты, самому Прилепину и его партнеру по политической борьбе Гарри Каспарову, который кокетливо обозначен как «чемпион мира по одной настольной игре». Такой маленький «бонапарт» есть где угодно: в микроавтобусе, магазине, учреждении. Я не мог уразуметь, зачем мне вот такая транскрипция во второй или третий раз? Как этим можно заниматься серьезно? И я для себя тему под названием «рассказы Прилепина» закрыл. Ведь когда мы начинаем читать того или иного писателя, то даем ему своего рода кредит доверия и смотрим, как он его оправдывает. Я же тогда подобный кредит доверия к автору забрал назад и не стал дальше разбираться. По сему поводу было написано довольно много статей: блестящая работа Геннадия Старостенко, у Светланы Замлеловой есть рассуждения о Прилепине. Мне этого достаточно для того, чтобы не вникать в существо ревизии, которая внутри меня уже произошла.

Ирина ПОЛУЭКТОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания Борисоглебского филиала ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»:

Но Прилепин же другой в «Обители», Вячеслав Дмитриевич...

Андрей ТИМОФЕЕВ: Прежде всего, заметьте, сюжет романа «Обитель» — абсолютно авантюрная история. Что бы с героем ни случилось, он всегда выживает, а это не добавляет достоверности произведению. Самое главное в том, что интерес Прилепина как автора в романе «Обитель» находится исключительно в политической и общественной плоскости. Он совсем не занимается нравственными вопросами. Пытается оставаться политкорректным, и, с другой стороны — стремится дать в нравственно-корректном ключе (если переделать политкорректность) образ владычки и сцену причастия. А в сцене с причастием дает совершенно хохмаческие вещи о том, в чем покаялся каждый из них. Например, один — в том, что был с животным. Это совершенно недопустимо. Видно, что автор вообще не интересуется духовно-нравственным измерением происходящего.

Реплика из зала: Здесь очень серьезно опирались на высокие литературные образцы, начиная с Тургенева. Дело в том, что сейчас появилась великолепнейшая струя в литературе — литература «убеганцев-попаданцев». И не только... Кто-то помер и очнулся в чужом теле. И вот они начинают шуровать, мир исправлять. Тут ведь целая линия уже сложилась. Плюс российское фэнтези, фантастика. Это упущенная, здесь не обсуждаемая вещь. Они-то как раз своего читателя предельно точно чувствуют: что у него болит, чего он хочет.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: В отношении нынешней фантастики я могу высказать свою неудовлетворенность, которая вполне может быть и субъективной: я специально в этот вопрос с головой не погружался. Но несколько раз сопоставлял сегодняшние фантастические сюжеты со своим представлением о фантастике, которое сложилось в советское время. В те годы советская фантастика была частью большой литературы. В давних выпусках журнала «Искатель» подобного рода произведений много. Там и развитие человеческих характеров, и мимика персонажей, и ситуативность очень хорошо решена, житейская сторона схвачена. Сегодняшняя фантастика — наследница прежней лишь в части идей и конструкций. Как в кабинете рентгеноскопии скелет костями побрякивает, шевелит, а очертаний тела не видно.

Реплика из зала: А Марина и Сергей Дяченко?

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Я не готов к разговору по именам. Для этого нужно погрузиться в материал. Я совсем не отрицаю возможные достоинства корпуса подобных произведений. Но для того чтобы фантастическую литературу, о которой вы говорите, ввести в поле рассмотрения литературы проблемной, литературы традиционного высокого художественного и читательского запроса, мне необходима серьезная мотивация.

Вернемся к нашим докладам.

Жанна ДЖАРМИН, писатель, член Интернационального Союза писателей:

Мне кажется, что тема «Герой нашего времени» интересна и актуальна, хотя обычно она ассоциируется у нас с лермонтовским Печориным из полузабытой школьной программы. Что такое герой? Это смелый человек, совершивший отважный поступок или подвиг во имя общей цели.

В литературе герой — это главный персонаж произведения.

Понятие же «героя нашего времени» относится к другому типу. Это, прежде всего, личность, обладающая яркой индивидуальностью, нравственно ориентированная, свободная, самостоятельная, творческая и активная. Конкретные проявления этих качеств героя зависят от времени. Мне, как преподавателю математики, близка модель развития общества в виде синусоиды. Если кривая идет вверх — это период солидаризации, когда люди объединяются, чтобы победить. Вспомним «героя своего времени» Павла Корчагина. Это образ не примитивного человека, а ищущего правду-истину, к нему относятся все перечисленные выше свойства. Это люди, которые определяли нравственный вектор в развитии и созидании государства нового типа. А можно ли назвать «героем своего времени», скажем, Григория Мелехова из гениального романа М. Шолохова «Тихий Дон»?

Что такое жизнь, что такое смерть, что вечно, что бесконечно, как быть вполне хорошим — об этом задумывались «герои своего времени», которые в единстве со своим народом решали основную задачу своего времени. Я говорю об Андрее Болконском и Пьере Безухове.

Давайте вспомним Великую Отечественную войну. Этот небывалый период солидаризации ради победы («Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим») вызвал к жизни новых «героев своего времени». Мы все помним такие имена, как Кожедуб, Маресьев, Матросов, Талалихин, учившийся в Борисоглебске, и многие другие. Около 12000 граждан получили звание Героя Советского Союза. Но «герои нашего времени» — это живые люди с их достоинствами и недостатками. Являлись ли героями того времени такие личности, как Жуков и Сталин?

Когда период солидаризации проходит, и синусоида идет вниз, это процесс ин-

дивидуализации. В это время личность начинает чаще задумываться над вечными вопросами: зачем, собственно, я живу, что делать и во имя чего, быть или не быть граждански активным человеком, или «моя хата с краю, ничего не знаю». Герои этого времени — Гамлеты, у нас — Онегин, Печорин и другие. Они отвержены своим обществом, противостоят ему, поэтому, вроде как «лишние люди». Но и в эти времена те, чей нравственный вектор направлен на позитивную волну, тоже проявляют героизм в обычном смысле слова, но уже не так массово. Это, прежде всего, люди героических профессий: пожарные, представители правоохранительных органов, военные.

Например, в моем рассказе «Петушок на палочке», изданном в сборнике «Атланты» к 70-летию Победы, описываются послевоенные 50-е годы в Одессе. Безымянный герой этого рассказа в боях потерял ногу, погибли его жена и дочь. Одиноким инвалидом, он мог только и делать, что продавать сахарные петушки на палочке нам, послевоенным детям. Однако его влияние на нас оказалось настолько сильным, что мы запомнили его на всю жизнь, и я даже через много лет написала о нем рассказ. Можно ли его назвать «героем того времени»? Судите сами. С вашего разрешения я зачитаю этот короткий рассказ.

ПЕТУШОК НА ПАЛОЧКЕ

В жизни, знаете ли вы, всегда есть место и подвигу, и радости, и труду, и горю — всему. При этом каждому — свое. Вот и для нас, послевоенных одесских детей, дни специально получили свойство быть насыщенными важными, волнующими, интересными и радостными событиями. Мальчишки воевали деревянными пистолетами, автоматами, кого-то брали в плен (противника назначали строго по очереди), кого-то спасали. Девочки перевоплощались в санитарок, докторов, продавцов-покупателей и, конечно, в непослушных дочек и строгих матерей. Иногда мы играли вместе с мальчишками в прятки, классики или во что-нибудь еще. Однако все игры сразу прекращались, когда мы слышали звон определенного колокольчика. Если это был звонок мусорщика, мчались за мусорными ведрами. Если звонил керосинщик, мы бежали домой за канистрами — покупать керосин для примуса. Мы все знали свои обязанности по дому.

Еще одно обстоятельство всегда прекращало наши игры. Это — «Петушки на палочке!» Заслышав эти слова, мы приходили в неопишуемый восторг и начинали кричать: «Петушки на палочке! Петушки на палочке!» Дети на соседней улице, услышав это, тоже начинали кричать. Звуковая волна прокатывалась через все детское население района. Каждый мчался добыть пять или, если повезет, десять копеек, чтобы купить маленький или большой петушок на палочке. Это были сделанные из растопленного сахара красные или желтые леденцы в форме петушка, звезды, или пистолеты с деревянной палочкой снизу, чтобы сладость не налипала на руки. Всегда один и тот же человек продавал их. Одноногий, на костылях, в военной форме, с медалью и орденом на груди, он проходил большие расстояния, неся алюминиевый бидончик с петушками. Сжимаемая пятаки в наших кулачках, мы ожидали его с нетерпением и на нашей улице. У него была незаурядная внешность: загорелый, подтянутый, с армейской выправкой — атлет, покалеченный войной. Мы обычно бежали ему навстречу, протягивая наши пятаки, и он нас спрашивал:

— Что желаешь?

— Красный петушок.

Мальчишки обычно просили пистолет. И он протягивал нам то, что мы просили. Иногда он говорил:

— Петушки закончились, остались только желтые звезды.

Тогда мы брали звездочки и лизали их тоже с удовольствием.

Однажды он спросил, как меня зовут. Я ответила, вытаскив леденец изо рта, и посмотрела вверх. Он вдруг крепко зажмурил глаза, и я увидела, что он плачет.

— Почему ты плачешь? — спросила я.

— Ты напоминаешь мою дочь.

— А где она? Дома?

— Она погибла во время войны. Вместе с ее мамой. Моей женой. А теперь у меня петушки на палочках и ты.

Почему для нас, пишущих людей, важна тема «героя нашего времени»? Наверное, потому что своими произведениями мы влияем на других людей. Чему служат наши литературные герои? Существует ли у них нравственный вектор, являются ли они образцами для подражания как герои нашего времени, вскрывая ли безжалостно язвы общества, призывая к борьбе с пороками?

Я припоминаю один старый сюжет. Горят два грешника в аду, мучаются. Через некоторое время Боженька помиловал одного. Второй стал жаловаться, почему первого отпустили? Он же был пьяницей, вором, а я — интеллигентный человек, писатель. На что ему ответили: вор искренне покаялся в грехе, его семья молила за него, а ты — нет, твои писания еще долго будут отравлять неокрепшие умы, поэтому нет тебе прощения.

Так вот и нам нужно задумываться над тем, что мы пишем и для чего.

Взять, к примеру, такое смежное искусство, как кино. Почему американские фильмы так популярны и заполонили мировой кинопрокат? Занимательные сюжеты, великолепное операторское искусство, талантливые актеры? Не только. Это произведения масскультуры, рассчитанные на потребителя с невысоким эстетическим и интеллектуальным уровнем. Эти произведения опускают людей до уровня примитивного обывателя. Создается иллюзия, что «герои нашего времени» — это только вымышленные супермены, что удобно уводит от проблем реальной жизни.

Живя в Англии 16 лет, я насмотрелась американских фильмов до тошноты, и мне кажется, что любой российский фильм глубже и интереснее американского ширпотреба. Однако я уже посмотрела несколько наших фильмов, скроенных по американскому шаблону, например, «Ищу мужа своей жене». Если бы не наши известные актеры, вполне мог бы сойти за западную поделку.

Я посмотрела три художественных фильма 7-го кинофестиваля в Одессе. Все они злободневны и актуальны, и оставили позитивное впечатление. Особенно понравился английский фильм «Я, Дэниэл Блейк», победивший в Каннах. Директор — Кен Лоуч, сценарист Пол Лаверти. Я думаю, что Дэниэл Блейк — «герой нашего времени» в Англии, так же, как и создатели этого фильма. Я считаю, что это просто социальная бомба. Англичанам, как и многим другим народам, внушают, что им повезло родиться в этой стране. Фильм ненавязчиво развенчивает эту иллюзию. Дэниэл Блейк — простой рабочий, вдовец, всегда говорил правду и помогал другим людям. С ним случился инфаркт, и он не смог добиться социальной поддержки из-за бездушной бюрократической государственной машины. Отчаявшись, огромными буквами он написал свой протест на стене учреждения, где ему, больному, отказали в помощи, как и тысячам других людей. Собралась толпа прохожих, поддержавшая Блейка. Полиция арестовала его, но потом отпустила с предупреждением. В период тщетных поисков материальной помощи он встретил и в дальнейшем помогал, как мог, обустроиться молодой женщине, которая не могла прокормить двоих детей. Дэниэл мечтал, что она, в отличие от него, сможет выучиться и обрести финансовую независимость. К его отчаянию, он случай-

но обнаружил, что его знакомой пришлось заняться проституцией, чтобы ее дети не голодали. Загнанный в угол, Блейк умирает от второго инфаркта. Я считаю, что это очень смелый фильм, и мне интересно, как его воспримут в Англии. Как нам сообщила продюсер этого фильма, мы в Одессе были их первой реальной публикой.

Чтобы подытожить мое сообщение скажу, что когда персонажи наших произведений — нравственно ориентированные, ищущие личности, которые пробуждают в людях лучшее или безжалостно вскрывают недостатки общества, призывая к борьбе с пороками, тогда о них можно будет говорить, что они — «герои нашего времени». Но каковы они? Такие, как в период солидаризации или индивидуализации? Мне кажется, что сейчас мы ближе к периоду индивидуализации. Но, может быть, уже созревают «герои следующей эпохи»? Ведь синусоида бесконечна.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Подводя итоги дискуссии, позвольте зачитать резолюцию, которая отражает основную идею нашего сегодняшнего разговора.

Резолюция круглого стола «Герой нашего времени в современной российской литературе»

Круглый стол писателей, поэтов и филологов на тему «Герой нашего времени в современной российской литературе» выявил широкую панораму мнений творческого литературного сообщества в поле взаимодействия современной русской литературы и современной русской жизни. Необходимость положительного, собственно героического начала в нашей литературе — требование настоящего дня. Именно так можно преобразовать нынешнее российское общество, у которого множество пороков и недостатков, в завтрашнюю Россию, когда слова «Родина» и «государство» не будут антагонистами.